

В отличие от других благородных леди, Беатрис была высокого роста, с большими руками и большими ногами. Обувь была свободной, но на удивление подходила по размеру, поэтому не спадала.

— Неужели все священники любят вмешиваться в дела других людей?

— Я был бы признателен, если бы вы называли это добротой, а не вмешательством.

Даже несмотря на её сухое и грубое замечание, он продолжал улыбаться. Пустые золотые глаза Беатрис бессмысленно смотрели в голубые глаза собеседника. Увидев лицо священника, она решила удовлетворить свое любопытство. Ей было нечего терять, поэтому не было причин для сомнений.

— Я слышала, что оригинал Библии хранится в храме.

— Да, он хранится в комнате, куда могут входить только первосвященник и высшие чины священников.

— Я слышала, что она отличается от копий, которые распространены в Империи.

В его яркой улыбке появилась лёгкая хмурость.

— Из - за интерпретации древнего языка копии могут немного отличаться от оригинала, но нельзя сказать, что они отличаются полностью.

«Враньё».

Беатрис была в этом уверена. Но не получив другого ответа, она медленно моргнула и кивнула.

Неизвестно, что написано в оригинальной Библии, но в любом случае её содержимое отличается от копий. Но не мог же он ей ответить: «Да, это так», поэтому Беатрис притворилась, что поверила и сменила тему.

— Вы решили проблемы герцогини?

— Всё, что я могу сделать, — это дать совет. Какая бы ни была проблема — никто её не может решить за тебя.

— Какие проблемы у герцогини?

— Я не могу рассказать другим содержание наших разговоров, герцогиня доверяет мне,

поэтому рассказывает всё.

— А вы надёжный.

— Поэтому если у вас, миледи, возникнут какие-нибудь проблемы, не стесняйтесь и расскажите мне.

— А у вас подвешен язык.

Беатрис, у которой всё равно не было способа разрешить свою проблему, начала думать о том, чтобы рассказать священнику об этом. Ей было всё равно, если с ней начнут обращаться как с сумасшедшей. Даже если что-то пойдёт не так, она может просто снова умереть. Однако Беатрис объяснила свою ситуацию кратко, потому что ей было лень рассказывать это в течение нескольких часов.

— Я не умираю.

— Что?

— Неважно, сколько раз я пыталась умереть, у меня не получилось.

На лице Теодора промелькнуло недоумение, но Беатрис продолжила говорить, не обращая на это внимание.

— Я хочу умереть, но не могу.

Беатрис много думала о том, почему она не умирала и возвращалась, и у неё было несколько гипотез. Бог наказал её за то, что на в первой жизни убила священника.

— Это из-за моего греха? Это могло вызвать гнев Божий?

Но тот священник не принадлежал главному храму, и он уклонялся от уплаты налогов под предлогом управления сиротским приютом в местном храме. Неужели такой человек на самом деле был любим Богом? Если не это, тогда второе — кто-то проклинал её.

— Или это потому, что так много людей стали несчастными из-за меня?

Беатрис убила более двухсот человек в своей предыдущей жизни не потому, что сошла с ума от повторяющейся жизни. Она просто была таким человеком. Беатрис не воспринимала других человеческих существ, как подобных себе, поэтому убивала не колеблясь, если это было необходимо.

Из-за её характера герцог Эмбер приложил немало усилий к её образованию, пока был жив, но, к сожалению, это не возымело большого эффекта. И, если это не проклятие, тогда третье — у неё есть миссия, о которой она даже не подозревает.

— Мне нужно что-то сделать, поэтому я до сих пор жива? Но я не смогла найти ничего подобного. И я не нашла ни единой причины, зачем это вообще нужно.

Как и в любом романе, если существует огромная опасность для мира или Империи, рождается человек с великой миссией. Так она себе это представляла, но Беатрис прожила больше семидесяти лет, и такой угрозы миру и Империи не было.

Следовательно, четвертое. На самом деле она демон. Демоны — это всего лишь библейские существа, и они очень давно не появлялись на человеческой земле.

Согласно Библии, демоны не умирают от рук людей, а уничтожаются только божественной силой, управляемой священником. Другими словами, если он умрёт как-нибудь иначе, то вернётся к жизни.

Конечно, эту гипотезу Беатрис выдвинула на всякий случай, потому что скорее было похоже на бессмертие, а не на регрессию. Но, если подумать, она никогда не умирала от божественной силы.

Подумав об этом, Беатрис схватила Теодора за обе руки и крепко сжала их.

— Кстати, разве нет способа отнять жизнь без боли с помощью божественных сил священника?

Конечно, это не та сила, которой можно злоупотреблять. Её использовали с осторожностью только для людей с неизлечимыми болезнями, которые не могли умереть в течение очень долгого времени. Процесс получения разрешения на эту процедуру был очень сложным, и это могли делать только священники высоких чинов, поэтому такое проводили только три раза в год по всей Империи и желающих было очень много.

— Я больше не хочу, чтобы мне было больно.

У Беатрис до сих пор пробежал озноб по коже, когда она вспоминала, что её ударили пять раз гильотиной, потому что голову не отрубило с первого удара. Ну и конечно же, когда она сгорела заживо.

— Вы можете использовать эту силу на мне? Конечно же, за вознаграждение...

— Нет, нет. Миледи, успокойтесь, пожалуйста.

Беатрис закрыла рот и посмотрела Теодора, который прервал её. Точёное, сияющее лицо по какой-то неизвестной ей причине было наполнено смущением, печалью и гневом.

«Я слишком много говорила о себе?»

Священники добрые, но в то же время гордые, поэтому Беатрис решила немного его послушать.

— Для начала... Я не могу использовать эту силу, как мне вздумается. И если вы не смертельно больной человек, то вам не дадут разрешение.

— Это значит, что я не могу этим воспользоваться?

— Да, поэтому даже не думайте об этом.

«Да, я так и знала, что так будет».

Беатрис встала со своего места, не скрывая своего разочарования. Она не ожидала, что он действительно её выслушает, но разочарование есть разочарование.

«Может мне стоит попытаться заразиться неизлечимой болезнью?»

— Я понимаю. Спасибо за то, что выслушали меня. Простите, что задержала вас, думаю, вам пора идти. Я верну вам ботинки в ваш следующий визит.

Оставив Теодора, который почему-то молчал, она ушла, неуклюже топая из-за большой обуви. Беатрис не знала, что священник, не отрываясь, смотрит ей вслед.

* * *

У Агаты Эмбер, герцогини Эмбер, была небольшая проблема. Конечно, оба её сына выросли замечательными: старший унаследовал титул и надёжно управлял поместьем и всеми делами, а навыки второго сына признали ещё в юном возрасте, и он вступил в ряды имперских рыцарей. Кто-то мог спросить, о чем ей ещё беспокоиться, но у неё был ещё один ребёнок. Младшая дочь, в которой не было ни капли её крови.

Как она была счастлива, когда вернулся её пропавший муж. Они не были похожи на обычную пару аристократов: Агата и её муж любили и заботились друг о друге, поэтому она встретила его со слезами радости. Конечно, это счастье испарилось, когда герцогиня увидела на руках мужа маленького ребёнка.

Спустя два года после исчезновения он появляется с ребёнком от другой женщины, конечно

Агата испытала боль от предательства. Но это была проблема только взрослых, малышка была ни в чем не виновата. Головой Агата это понимала, но не могла относиться к ней ласково, но герцогиня была уверена, что девочка выросла, не зная ни в чем недостатка.

Если бы Агата была такой же, как другие, то она бы сразу же выгнала незаконнорожденного ребёнка, как только умер её муж, но герцогиня считала себя её мачехой, поэтому они все ещё жили вместе, и она думала о будущем этого ребёнка.

Её дочери сейчас восемнадцать лет. Обычно благородные леди, дебютировав в семнадцать лет, входили в светское общество, но дочь герцогини, которую она очень редко видела, даже слышать о дебюте не хотела.

Конечно, Агата могла ходить за ней и уговаривать, но, как уже было сказано, они были очень близки, и герцогиня не хотела на неё давить. Но теперь, когда Беатрис стала взрослой, пора было принимать решение. Оставить этого ребёнка в семье или выдать замуж сразу же после дебюта.

Герцогиня неосознанно вздохнула. На самом деле она знала. Что ненавидит свою дочь. Герцогиня ненавидела лицо этого ребёнка, на котором не было печали, даже несмотря на то, что отец, который забрал её, умер.

Отношения, которые ухудшились с тех пор, так и не восстановились, и каждый раз, когда они случайно сталкивались, справиться с этим становилось всё труднее из-за чувства вины и ненависти, которые сильно на неё. А может она просто хотела быстро избавиться от того, что заставляет её страдать.

Обычно аристократки обручались в позднем подростковом возрасте и выходили замуж где-то в двадцать лет, поэтому это никому не покажется странным. Посоветовавшись с замужними аристократками и мамами, которые уже выдали дочерей замуж, ей сказали, что, если она найдёт, хорошую партию для Беатрис, этого вполне достаточно для ребёнка, в которой нет и капли её крови.

Все эти ответы затронули её сердце. Агата знала, что она только определилась со своей позицией, но уже это стало для неё облегчением. Поэтому герцогиня позвала священника, с которым всегда молилась, и рассказала ему о своих проблемах.

Священник Теодор, который уже давно проводил богослужение в этой семье, поэтому примерно знал ситуацию, улыбнулся и спросил, говорила ли она со своей дочерью об этом, но герцогине было нелегко ответить. Она считала, что Беатрис не удовлетворит ни одно решение, потому что у неё был талант ставить людей в неудобное положение.

Тук-тук.

Раздался стук в дверь.

— Что случилось?

— Госпожа, священник просит о повторной встрече.

— Теодор?

«Почему он вернулся сегодня после того, как закончил молитву и консультацию?»

Агата озадаченно кивнула, чтобы он входил. Горничная открыла дверь, и, словно он этого и ждал, Теодор быстрым шагом вошел в комнату и сам закрыл за собой дверь.

— Что случилось? — спросила герцогиня.

На его лице была глубокая печаль. Когда они молились вместе, лицо священника сияло добротой, но за это короткое время что-то произошло. Поскольку они были знакомы давно, герцогиня забеспокоилась и предложила ему сесть на диван, а сама села напротив него.

— Как поживает леди Беатрис в семье?

Как только священник сел, он нетерпеливым голосом спросил о её дочери, что было странно. Конечно, она и раньше консультировалась с ним, но Теодор и этот ребёнок были практически незнакомы. Он примерно знал, её положение в семье, поэтому никогда не спрашивал напрямую о Беатрис.

К сожалению, Агате нечего было ответить на этот вопрос. Как уже было сказано, они едва ли виделись раз в месяц. Герцогиня даже не спрашивала, как у неё дела, и нужно ли ей что-нибудь, она просто позволила всё решать дворецкому и горничным, поэтому предполагала, что всё хорошо.

— Она просто тихий ребёнок. У неё всё хорошо, особых проблем нет.

— Говорите, нет особых проблем?

На его лице мелькнул гнев. Конечно, он злился не на неё, но этого было достаточно, чтобы смутить Агату. Прежде чем она успела что-то сказать, Теодор снова заговорил.

— Не знаю, как вам это сказать, но я только что видел леди в саду.

— Этого ребёнка?

Обычно Беатрис не выходила из комнаты. Хотя иногда гуляла по саду.

«А, вроде бы говорили, что в её комнате сегодня был пожар».

Герцогиня слышала, что, хотя шкаф немного сгорел по неосторожности, но огонь быстро потушили, поэтому беспокоиться было не о чем.

«Значит она вышла ненадолго, потому что в комнате нужно было прибраться?»

— Она сидела в ночной сорочке под деревом босиком.

— В ночной сорочке?

«В середине зимы?»

— Босиком?

«В такой холодный день?»

Герцогиня ничего не понимала, поэтому переспрашивала.

«К ребёнку ведь приставлены горничные, чем они занимаются, что взрослая девушка бродит по улице в ночной сорочке и босиком?»